

Лев Корчажкин

Хуторяне

2416—2424

Эпизоды 1—15

Лев Корчажкин

Хуторяне 2416—

2424. Эпизоды 1—15

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36623985

ISBN 9785449331045

Аннотация

«Сцены сельской жизни XXV века» можно отнести к жанру фэнтези-абсурда. Может быть, это совсем новый жанр, тогда их следует назвать смелым и веселым экспериментом. Веселым – потому что во всех сценах есть юмор, где-то черный, где-то светлый. Как и в большей части фантастической литературы, читатель и здесь найдет символы дня сегодняшнего, встретит знакомые явления общественной жизни. Автор надеется, что навыки понимать эзопов язык еще не утрачены отечественным читателем. Здесь они пригодятся.

Содержание

От составителя	5
КАК ПРОЛЕТЕЛО «БУДУЩЕЕ»	6
ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ	14
ШУМ В ГОЛОВЕ	26
ГАЛКИ	40
НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ	52
БУНТ МАШИН	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Хуторяне 2416—2424

Эпизоды 1—15

Лев Корчажкин

© Лев Корчажкин, 2022

ISBN 978-5-4493-3104-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителя

XXV век. Земля по-прежнему голубым карбункулом висит в космосе. Сами земляне, то есть мы, уже не те, что были тогда, когда впервые увидели свою планету со стороны. Живем преимущественно в городах. Продолжаем осваивать пространство, время, познавать самих себя.

Но по всей планете в сохранившихся естественных ландшафтах обитают фермеры.

Они – обласканные электронным и механическими благами цивилизации, производящие много здоровой и вкусной пищи для горожан, еще хранят на своих хуторах тот неспешный и чудаковатый стиль жизни, давно забытый остальными.

Об одном таком хуторе, расположенном недалеко от большого космодрома, в этих записках и идет речь.

Пользуюсь случаем выразить благодарность студентке УМЦО, РФ¹ Василисе-Стало-Быть-Премудрой, без чьего жизнерадостного участия этот литературный проект вряд ли бы состоялся.

Профессор, д. энци. н.

Лев Спиридонович Корчажкин

¹ Университет Меж Цивилизационного Общения, Ракетный Факультет

КАК ПРОЛЕТЕЛО «БУДУЩЕЕ»

Василиса вбежала в комнату, раскрасневшись и мотая во все стороны косой. На конце косы висели бубенчики. Они звенели.

За широким столом на могучих ножках, покрытом белой чистой скатертью, сидел на стуле с высокой спинкой Батя. На лавках вокруг стола еще никого не было. Кроме Бати в комнате был еще только один человек – хромой старичок Прохор. Он сидел на сундуке возле стены, прижавшись щекой к светлому лиственничному бревну, из которых был сложен дом. Прохор усердно тыкал пальцем в пульт дистанционного управления, чтобы переключить канал с песен и плясок на чрезвычайные новости. Это был новый канал – «Чрезвычайные новости Земли». Это был хороший, надежный канал, так как плохих чрезвычайных новостей не случалось.

Батя ждал ужина и разговоров. Василиса явилась к месту.

– Ну, что нового на ферме, дочка? – спросил Батя.

– Сто восемнадцатый доильщик заржавел. Его на дворе оставили, под дождиком.

– Плохо.

– Вместо него сто девятнадцатый взяли.

– Хорошо.

Василиса села рядом с отцом. Старичок Прохор заерзал на сундуке, пытаясь попасть пультом в телевизор. Но винтов-

ка, висевшая на высокой спинке стула Бати, патронташ с патронами, висевший там же, да еще бубенчики в косе Василисы экранировали телевизор, и переключить канал не удалось.

– А где Иван? – спросил Батя.

– Опаздывает, обычное дело, – подал голос Прохор.

– Плохо, – сказал Батя, насупив брови.

– Или, у него сегодня смена должна быть. Вчера-то он здесь околачивался.

– Хорошо, – Батя повеселел.

– Добрый специалист – Ванька, – снова подал голос старичок Прохор. – Не чета другим. И считать умеет, и в выключателях не путается.

– И сосед хороший, охоту любит, – добавил Батя.

– И с девками не шалит, – продолжил Прохор.

– Он читать любит, – вставила Василиса и зарделась.

– Хорошо, – подвел итог Батя.

В сенях кто-то споткнулся о ведро. Раздался звон, и стало слышно, как зацокали по полу, а потом по ступенькам крыльца, огородники.

В комнату ввалился широкоплечий Джон. Его красные губы на черном лице расплылись в извиняющейся улыбке.

– Я там ненароком ваших огородников из ведра выпустил. Крышку сбил, они и побежали.

– Ничего, – ответила Василиса, – в кабачках и свекле уже сорняки появились, они прополют.

– Хорошо, – сказал Батя. – Но где все-таки Иван?

– Опаздывает? – спросил Джон, подмигивая Василисе.

– Плохо, – сказал Батя.

– На дежурстве он, – крикнул от стенки Прохор.

Металлические серьги в ушах Джона обрекли его попытки переключить канал на новое поражение.

– Хорошо, – вздохнул Батя.

– Ванька никогда не опаздывает, – сказал Джон. – Я его два часа назад видел. Он в форме был. При полном параде.

Помолчал и добавил:

– Я у него в доме на стене красный диплом видел – диспетчер высшей квалификации. Пять языков знает. Плюс сто со словарем, – Прохор встал на сундуке на колени и вытянул руку с пультом, тщетно стараясь пробиться сквозь помехи.

– Хорошо, – сказал Батя, – диплом – это хорошо.

– Он сто первый учит. Или шестой? – вставила ненароком Василиса и стала накручивать на палец конец косы.

Бубенчики зазвенели.

– Плохо, – снова со вздохом сказал Батя.

– Что плохо, батенька? – испуганно спросила Василиса.

– Плохо, что ясности нет: шестой или сто первый.

В сенях снова кто-то затоптался. На этот раз раздался плеск воды, и через минуту в комнату вплыла хозяйка – Марья Моревна, с рукавами цветастого платья, мокрыми до самых плечей.

– Что же вы кадку с живой водой крышкой не прикрыли,

и свет погасили. Я по привычке на нее фонарь поставила, он и ухнул. Пока достала, вся вымокла, и по полу воду расплескала, уже ветки полезли, за ноги цепляются.

– Плохо, – сказал Батя.

– Ничего, я вам рубанок-самоход принесу, мигом прибегается, – сказал Джон

– Хорошо. Самоход – это хорошо.

– Шуку не выплеснула? – спросил со своего сундука Прохор, – хоть к ней на поклон идти, программу узнавать.

– Не выплеснула. Там она. Все уши прожужжала, пока я фонарь доставала. Все про какое-то будущее спрашивала.

– Ну да, – Джон оглянулся на «песни и пляски» в телевизоре. Скоро уже должны трансляцию начать. У кого пульт?

Марья Моревна села за стол по правую руку от Бати. Старичок Прохор прыгнул с сундука и просеменил к столу, сел рядом с хозяйкой, положив руку с пультом на стол.

Батя оглядел всех:

– Ну, начнем ужинать, что ли?

Марья Моревна хлопнула в ладоши. Дверь распахнулась и в комнату вплыли статные многорукие подавальщицы.

Джон наклонился к поставленной перед ним тарелке с огромным куском жареного мяса. Старичок Прохор улучил момент и, прицелившись поверх черного затылка Джона, сумел переключить канал с плясок на новости. После чего положил пульт в карман и взялся за вилку с ножом.

В телевизоре журналист, освещенный прожектором, по-

минутно поворачивался к ночной пустоте за собой и трещал:

– Вот-вот зажгутся причальные огни на полосе и экипаж «Будущего» увидит свой родной дом.

Журналист посмотрел на часы, потом снова обернулся на темную полосу, и заскучившим голосом начал рассказывать:

– Триста лет назад несколько десятков землян отправились на сверхновом космическом корабле на поиски планеты, пригодной для переселения. Благодаря эффекту, предсказанному еще Эйнштейном, время на корабле шло намного медленнее, чем на Земле. Поэтому через несколько минут мы увидим возвращение наших предков – практически в том возрасте, в каком они улетали. И мы уже знаем, что они везут нам прекрасные новости – планета для переселения найдена. Будущему землян теперь ничто не угрожает!

Журналист снова оглянулся на неосвещенную полосу:

– Вот-вот зажгутся причальные огни...

Но огни не зажигались. Зато откуда-то сверху, от звезд, прорываясь сквозь многослойную кровлю, способную выдержать удар небольшого метеорита, донесся гул.

– Мы уже видим огни «Будущего» – кричал, захлебываясь собственным энтузиазмом, журналист, тыча рукой в черное небо.

– Вот они! Приближаются со стороны Большой медведицы!

Огни на посадочной полосе все не зажигались.

– Плохо, – сказал Батя, – без лампочек им ночью не сесть.

– Ванька все во время сделает. У него красный диплом, – ответил Джон.

– Ванька не подведет. Столько ждали, – поддакнул Прохор.

– Он что, и правда – сегодня дежурит? – испуганно спросила Василиса.

– Ну да, – ответил Джон. – Я его видел в форме. И ключ от главного рубильника, как обычно, был у него на цепочке.

– Ой! – всплеснула руками Василиса и вскочила, – Он же на сеновале сейчас! Он заснул, я не стала будить, за стол торопилась.

– Плохо, – сказал Батя, грозно взглянув на Василису.

– Ишь ты, девка, лучшего парня охмурила! – захихикал старичок Прохор.

– Что ж ты, дочка, ничего не говорила! – залепетала Марья Моревна.

– Плохо! – громче прежнего произнес Батя.

– Да, хорошего мало, – согласился Джон, – запасного космодрома для такого случая не предусмотрено.

Гул с неба становился все мощнее. Он наваливался на избу, как ветер на столетние ели, пригибая их верхушки.

– Я думала, он для меня парадную форму надел, – чуть не плача сказала Василиса. Она прижала ладони к ушам:

– Ой, как гудит, голова раскалывается!

В черном телевизоре было видно, как огромный звездолет

проскользнул по небу и ушел в ту сторону, где еще мерцала над горизонтом тонкая полоска заката. Гул стих.

– С крыльца было бы лучше видно, – сказал Джон, можно было бы на веранде стол накрыть.

– На веранду подавальщицы боятся заходить, на них дверь лает, – ответила Марья Моревна.

– Плохо, – проговорил Батя, отодвинув от себя тарелку.

– Что плохо, батенька? – спросила Василиса.

– Плохо, что хорошего парня на сеновале оставила. Теперь понятно, от чего у тебя доильщики под дождем ржавеют, растеряха!

– Я ему позвоню сейчас, – сказал Джон, – позову к нам. На космодром ему теперь не за чем идти.

– А его там, наверное, потеряли, – хихикнул Прохор, – звездой телевизионной мог бы стать.

– Звони, зови, – сказал Батя, снова пододвигая к себе тарелку.

– Я быстрее сбегаяю, – воскликнула Василиса, вскакивая из-за стола.

– Мундир может на сеновале оставить, – крикнул ей вдогонку Джон, – все равно утром на охоту собирались. Я ему куртку свою дам.

Журналист в телевизоре обрел дар речи и подал голос:

– Видимо, план встречи изменился. «Будущее» пошло на второй круг. По расчетам ученых, которые мы получили только что, следующая посадка будет возможна через сто

или сто пятьдесят лет. Но это предварительные расчеты, точные данные слушайте и смотрите в нашем следующем выпуске.

– Хорошо, – сказал Батя, втыкая вилку в свой кусок мяса.

– Что ж хорошего? – спросила Марья Моревна, – вот и будущее пролетело, не село.

– Хорошо, что на охоту собираемся. И что мундир на сене оставит – хорошо. Без мундира хозяйством сподручнее заниматься.

– А Василиса что-то давно не возвращается, – ехидно проговорил старичок Прохор. – Оно и понятно, дело молодое!

– Смотри в тарелку и молчи! – махнула на него рукой Марья Моревна. – Или, вот, канал смени, надоел этот болтун.

После ужина все вышли на улицу, сели на скамейку, и по привычке молчали, глядя на звезды

– На кого завтра пойдем? – спросил Иван, державший за руку Василису.

– Вот если звезда упадет налево – на лося. А если направо – за бобром. – ответил Батя.

Сидели до полуночи. Потом пошли спать.

Звезд в этот вечер нападало много. На кого охотиться – утром пришлось спросить совета у щуки.

ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ

Батя был доволен. Джон вернулся к сроку – скоро начнет-ся страда, а на огородников и прочих приспособленцев, чиненных-перечиненных, надежды мало. Из летуна, когда он сел на лугу и выползла лесенка, за Джоном спустились десять мигрантов, таких же черных, как Джон, но помельче.

Батя видел их из окна.

– Мелкий народец, – сказал Батя. – Но, говорят, работающие, а едят немного.

– Кто такие? – спросил старичок Прохор, дохромавший до окна и забравшийся на широкую лавку под ним.

– По знакомству достал, – ответил Батя. – В Африке, в колониях такие живут. Они грамоте не учатся, все больше о травках и корешках помышляют, прямо на земле живут.

– Какие такие колонии? – спросил старичок Прохор.

– Известно, какие, – подала голос из угла Василиса, – экологические колонии, генофонд сохраняется на будущее.

– Все-то у вас научно и с дальним прицелом, – сморщился Прохор. – А польза она ближе лежит. Вот у меня колено заныло. Значит – ночью дождь будет, сырость. Однозначная польза! К бабке не ходи!

– Ты вот мою бабку спроси, она все уже посчитала, покумекала.

– И то правда, – включилась в разговор Марья Моревна,

хозяйка. — Эти африканы мяса не едят, к земляному труду привычные. На картошке и репе десяток лет протянут, а там — билет на летун и обратно. А то и пожедем на деревенских. Хотя, — она с сомнением покачала головой, — у нас девки покрупнее будут.

— Ну а польза то в чем? — не унимался Прохор. — У вас что, огородников мало, или доильщики барахлят?

— Да они же все на электричестве! — прогудел Батя, — а электричество дорожает. В новостях сказали, что в полтора раза. А шука говорит, что не в полтора, а во все два!

— И на солнечных панелях долго не продержишься, — добавила Василиса.

— На них то уж точно, не положишься, — согласился старичок Прохор, растирая колено, — все болит и болит, все к дождям и дождям.

— Так вот, Иван с Василисой посчитали, и ясно стало, что мигранты на картошке и репе выгоднее, чем электричество. Рацион составили. Даже молоком поить можно.

— Да как же вы их выписали, как инвентарь, что ли?

— Это уж Джон устроил. Он, черт черный, хитрый, по миру поколесил, все знает. Там у них, в колониях этих, переизбыток нарождается, генофонд то ли лишний, то ли бракованный. Ну и по знакомству можно выписать.

За дверью загремели шаги, кто-то зазвенел кружкой о ведро. В горницу вошел, вытирая красные губы черным запястьем, Джон. Розовая ладонь была мокрая.

– Пока летели, пить захотелось. Не выдержал, прямо из бочки зачерпнул. Шуку, похоже, по морде саданул случайно, – сказал Джон.

– Как ты можешь эту воду пить, она же тиной воняет, – пожалала Василиса плечами под цветастой рубашкой.

– Тина тиной, а вода-то, почитай, живая. Шука то сколько лет живет, недохнет! – закашлял Прохор, слезая с лавки, – пойду, что ли, и сам приложусь к кадочке.

– Как все прошло, – спросил Батя, – все пригодилось?

– Еще как пригодилось, – заулыбался Джон. – Я этим – на воротах, которые с бляхами, как вывалил мясца, творожка, бидон со сметаной, так они, как мухи чернявые слетелись. Фуражки поскидывали, чуть не руками в корчажки полезли. Пришлось по макушкам постучать, чтобы о деле не забыли. Ну они даже рож не вытирали, побежали, привели толпу. Я десяток выбрал. Отвели их потом в отдельную комнату, помыли, одели. Так что все в порядке – принимай в штат.

– Иван тебя встречать пошел, – сказала Василиса.

– Встретил. Там он, у сараев, с работниками новыми, – Джон поднялся, – тоже пойду к нему, покормить их надо. Проголодались. Некоторые так даже шатаются.

– Сегодня пусть, так уж и быть, отдыхают, а утром – на работу. Я сам расставляю, – сказал Батя.

Василиса встала с заскрипевшего стула, поправила юбку и выскользнула за Джоном.

– Правильно, дочка, пригляди за мужичками, – сказала

Марья Моревна ей в след.

Батя шумно вздохнул, посмотрел на часы, потом но Марью Моревну. Та поняла взгляд правильно, поднялась, пошла на кухню. Пискнула там чудо-печка, затопали подавальщицы.

– Смотри, не брякни кому-нибудь невзначай в деревне. Пускай пообвыкнут, а то завистников много, на прививки все время изведем, работать некогда будет.

– А то я не понимаю, – старичок Прохор обиженно вытянул губы, – санитарный инспектор – он, конечно, друг и помощник, но хворобы наши с нами рождаются, с нами и умирают.

Прохор все тер колено и кривил губы, а Батя сурово смотрел на дверь, как вдруг дверь раскрылась и вошла Василиса, придерживая руками испачканный подол. Она хмурила густые брови, доставшиеся от отца, и, поднимаясь к себе по лестнице, грозно сообщила:

– Не хотят они репу вкушать. Хотела их простоквашей напоить, так все на себя вылила. Они все брыкаются и по своему бормочут.

– Басурманы и есть басурманы, – ответил Прохор.

– Плохо, – сказал Батя.

Прохор хотел что-то сказать, но промолчал, задумчиво глядя наверх.

Сверху бойко топоча каблучками по ступенькам сбежала Василиса – в новой юбке и фартуке. В руке держала воронку:

– Вот, у себя нашла. Помнишь, как делали, когда заблудшего лосенка отпаивали. И сейчас пригодится для этих мигрантов.

– Хорошо, – пробасил Батя, вперив взгляд в захлопнувшуюся за Василисой дверь.

Только и было слышно, как плеснула в бочке щука хвостом, да тихо зашуршала тряпичная половичка, спеша вытереть живую воду, пока не проросли доски пола.

Марья Моревна заглянула, сказала:

– Василиса всю простоквашу унесла, не знаю теперь, в чем мясо замочить.

– Плохо, – вздохнул Батя.

– А ты в первачке, в первачке, а еще горчички. И мягкость появится, и дух попрет. – посоветовал с лавки старичок Прохор.

Марья Моревна вопросительно поглядела на Батю.

– Хорошо, – прогудел тот.

В дверь стукнули, и вошел Иван.

– Трофим Трофимыч, – спросил он. – Я у поросят пойла заберу немного, на эксперимент. Ничего эти мигранты жрать не хотят. Может, консистенция не та. И, главное, не говорят ничего. Ни слова по нашему не знают. Сначала булькали что-то по своему. А теперь вообще молчат. Только глазками зыркают.

– Хорошо, – ответил Батя.

Иван повернулся к двери, но, бросив взгляд на стены, уви-

дел на крючке смотанный кнут.

— Я и кнут возьму. В прошлом году коровы клевер жевать не хотели, так кнут сильно помог.

— В прошлом году на поле с клевером летун какашки сбросил. Вот они и не паслись. А потом, после кнута-то, молоко все в реку сливали. Рыба потом брюхом кверху плавала, — сообщил как бы невзначай Прохор.

— Да не какашки это были, а гравитационная защита на секунду раньше сработала. Коровы на взлетную полосы зашли, вот и случилось непредвиденное маневрирование. Кто знает, что там в почве синтезировалось. А то, что рыбы дохли, это — другое дело. Главное, коровы клевер жрали.

— Бери, бери, — кнут в сельском хозяйстве — первое дело, — разрешил Батя.

— Да поживее там, ужинать Марья Моревна уже собирает. Иван хлопнул себя по сапогу кнутом и вышел. Слышно было, как хлопнула дверь на улицу.

Марья Моревна вошла в горницу, вытерла руки о полотенце, повесила его на спинку стула.

— Что-то долго возятся. Спать то где положим, рабочих этих заморских? На сеновал не хочу пускать, дух попортят.

— Пустяки, Ванька им давно лавки смастерил в старом амбаре. Туда только подавальщицы не ходят — ступенька одна чересчур высокая. Да ладно, еду в дверях примут. Или ворота распахнут.

В сениях снова застучали сапоги, и в горницу вошел Джон. Молча сел напротив Бати, задумчиво пошевелил черным приплюснутым носом, облизнул красные губы.

– Язык у тебя, как у телянка, – сказала Марья Моревна, – проголодался? Или волнует что?

– Да не пойму я мигрантов своих. Грузились, летели – бойкие были. Даже на женщин посматривали. Без последствий, понятное дело, только головами крутили. А тут как замороженные стали. Трое уже и не встают. А остальные – как эпилептики дергаются.

– Так вот и надо было парочку противного полу прихватить, – съязвил с лавки Прохор.

– Да я думал, просил. Сказали, нету. Весной будут. А сейчас – закончились.

– Может, разница во времени или температурный режим не тот? – продолжал высказывать гипотезы Прохор.

– Да мы уже и попонами накрывали, – дрожат и не встают.

В дверь вошел Иван, смотал кнут, повесил обратно на стену.

– Еще двое кончаются.

– Может, лихорадка какая! – встрепелась Марья Моревна. – Так надо обезопаситься!

– Правильно! Безопасность – первое дело, – Прохор перестал растирать колено и на одной ноге допрыгал до стола, сел на стул.

Вернулась Марья Моревна с подносом, на подносе – се-

ребряные стопки дедовские и бутыл с чем-то прозрачным. Поставила поднос, разлила из бутылки по стопкам.

Батя первым протянул руку, задумчиво выпил и хлопнул себя по затылку:

– Пойти что ли, глянуть. Поросль зеленая, сами не разберетесь.

– Так я за вами, Тофим Трофимыч, и пришел. Посоветовали бы, как с народом обращаться.

– Знамо дело, как! Вон, сундук стоит. Триста лет не открывали. Там в газетах все прописано.

– Почитаем, почитаем, Трофим Трофимович. А сейчас пойдете в старый амбар, там они все.

Батя пошевелил крутыми плечами, снова взял со стены кнут и вышел вслед за Джоном.

Справа от запертых ворот в амбар была раскрыта дверь. Возле ступенек стояла бадья, а в нее тыкался мордой молодой поросенок. На ступеньках, прислонившись плечом к косяку, стояла Василиса, покачивая в воздухе воронкой с длинным носиком. Фартук ее снова был в разводах, и край юбки тоже.

– Иван где? – спросил Батя.

– Там, – кивнула Василиса в глубь амбара и сама нырнула туда же.

Батя поднялся по ступенькам, скрылся в полумраке. Джон вошел за ним.

В амбаре, освещенным из-под потолка покачивающимся

светильником, на лавках лежали пять тел. Одеты они были в одинаковые зеленые штаны и куртки. Под куртками – рубашки в каких-то цветах и птицах. Одежда у всех пятерых была густо измазана то ли простоквашей, то ли пороссячьим пойлом. На свободной лавке лежали репки, некоторые порубленные на куски.

Двое на лавках изредка подрагивали. Еще пятеро мигрантов столпились в углу и не шевелясь и не моргая смотрели на вошедших.

Батя сумрачно глянул на них:

– Да уж, производит же природа таких хилых.

Будто в ответ на его слова один из стоящих в углу дернулся и повалился на пол. Все молча посмотрели на него, потом на Батю.

– Давай его сюда, на лавку!

– Джон с Иваном перетасили упавшего на свободную лавку, смахнули на пол репу, положили.

– Живой еще, – сказал Батя, положив руку на грудь мигранта. – Как бы не задохнулся, язык придержать надо.

Батя левой ладонью надавил и раскрыл челюсти мигранта, а правую пятерню засунул ему в рот. Нахмурился.

– Это еще что такое!?

Батя поднял правую руку. В ней змеился, уходя в рот тела на лавке, блестящий провод.

– Что такое! – Джон подскочил к лавке, сунулся с фонариком в рот мигранту.

Потом встал, подошел ко второму телу, заглянул в рот, потом к третьему. Остановился перед стоящей четверкой. Ничего не сказал им, а просто широко раскрыл перед ними рот.

Мигранты как один раззявили свои рты, из которых на пол зазмеились блестящие проводки со штепселями на концах.

Батя сел на лавку, положил ладони на колени.

– Плохо. Не те работнички. Подвели.

Василиса подошла, задрала на одном рубашку, прочитала:

– маде ин африка.

– Не позорься, – сказал Батя, – чужих мужиков заголять!

– Да не мужики это, батюшка, роботы это. И потрепанные какие-то! Хотя, вот, – она задрала рубашку повыше, – солнечные панели есть на груди.

Джон остервенело чесал кучерявую голову:

– Обманули, черти африканские! И обратно ведь не вернуть. Документы то липовые!

Иван внимательно разглядывал какую-то бирку на животе мигранта:

– Класс энергопотребления – прошлый век. Разоримся.

– Не разоримся, – сказал, поднимаясь, Батя. – Мы их на аэродром сплавим. Пусть вокруг взлетной полосы бродят, коров пугают. Все клевер целее будет.

– А эти двое так вроде ничего, – сказала Василиса, засмотревшись на парочку, которая еще держалась на ногах.

– А этими крышу над амбаром подопрем. Будут вместо атлантов. Только в zenки лампочки ввернем – летучих мы-

шей пугать.

Ужинали в этот вечер молча. После ужина по привычке пошли посидеть в саду. Девять негритят лежали в амбаре на подзарядке, а десятый бродил между деревьев, собирая в темноте упавшие яблоки.

– Они что, в темноте видят? – спросила Василиса.

– А то! – гордо ответил Джон, – как леопарды. Обещали, что и по деревьям лазают.

И встрепenuвшись, обернулся к Бате:

– Может, пару леопардов привезти? Для охоты!

– Хватит баловства с контрабандой. Своим умом жить пора.

Потом вспомнил что-то, повернулся к Марье Моревне:

– Щука-то что сказать хотела, плескалась, все сени залила?

– Да я не расслышала, все занята была. Как ни пройду, она все ворчит: ро..., ро..., ты..., ты... А потом плеск – и нет ее.

– А ведь предупреждала, старая. Пойду к ней, про погоду узнаю. Никому верить нельзя.

– Почему же никому, а колену? – возмущенно просипел старичок Прохор.

– Если бы мое было, поверил бы. А твоему – нет. Надоверялся уже, хватит.

Батя хватанул кнутом, с которым до сих пор не расстался, по скамейке, и ушел. За ним и Марья Моревна. А остальные еще долго сидели, считали взлетающие спутники и грыз-

ли яблоки, которые подносил из темного сада зеленоглазый «номер 10».

ШУМ В ГОЛОВЕ

Батя лежал на лавке, молчал.

Новенький бежевый тулуп дрожал на нем, прижимаясь курчавым воротником к широкой груди Бати, а рукава просунув под жилистую шею. Это был тулуп модели ЛБВ, то есть Любезный Без Воплей.

Батя помирал.

А было так: Марья Моревна пришла с хозяйства, поставила на кухне кувшин с парным молоком. За ней следом шел Петька-длинный, санитарный инспектор.

– Насчет проверки, – говорил Петька, – есть только один вариант решения: проверять – и точка. Так что никак не могу без проверки, уважаемая тетка Моревна, у меня же галочка в перечне стоит.

– Маловато у вас, сердешных, полномочий, – ответила ему Марья Моревна.

– Если относительно самой проверки, то да, немного. А вот насчет резолюции после проверки, – вариантов уже два: норма, или вне нормы.

– Так вот и болтает вас между двумя-то полюсами, как хвост у коровы между ногами. Не очень-то завидная доля. Ни фантазий, ни веселья!

– Не совсем так, тетка Моревна, фантазии, если с умом за дело взяться, хоть отбавляй. Норма – это да, это скучно.

Галочку поставил, и полилось в закрома. А где нет нормы? Там волшебная палочка появляется, называется – «допустимые отклонения». А тут и геомагнитные излучения на прибор влияют, и угол падения света на экран, или как буренка карим глазом посмотрит.

– Непростая у тебя работка-то, если вникнуть. А со стороны поглядишь – никакого напряжения, никакого мяса на такой работе не нарастишь. Вот и худой ты такой, смотреть больно.

– У меня, тетка Моревна, работа умственная. Циркуляров одних прочитать и запомнить, – оба полушария включать приходится, а от этого в башке – гром и молнии. И потом – спешка, скорость. Вот и про вас отчет надо до вечера сдать в контору. А пока, сама видишь, нет голубизны в молоке. Белое. Белизны необыкновенной. Но, по прошлому стандарту годится, а по новому – никак. А ведь три месяца прошло, как я вам циркуляр привез! Могли бы уж подсуетиться.

– Да где же это видано, чтобы молоко у коров голубое было? У людей, говорят, кровь голубая встречается, а чтобы у коров молоко голубое – это чем же их кормить надо?

– Насчет того, чем кормить, это вам не ко мне. Мое дело – галочку поставить и отчетец дальше послать.

– А если не успеешь?

– Ну, если не успею, в сводке прошлогоднее дозволение останется. Сегодняшний циркуляр – он же срочный, в программу ручками заводится. Но я, тетка, Моревна, успею.

Премия за это особенная, и забота от начальства. Видала, какой вездеход предоставили – дорог не нужно, достаточно направления.

– Ну, так что? Выпьешь этого, ненормированного, – Марья Моревна покосилась на кувшин, – да и по рукам. У меня и творожок найдется.

Петька-длинный посмотрел на молоко, потом на дверь в горницу. Вздыхнул.

– А если *этого* хочется, – то ступай к Бате, там он.

Получив такой совет-разрешение, Петька быстро спрятал анализатор в сумку, пошаркал дополнительно на коврике и шагнул за заскрипевшую дверь, которая хоть и открывалась сама перед всяким государственным человеком, но скрипела при этом нещадно.

Петька-длинный резво шагнул в горницу, да так же резво и вышел обратно – тощим задом едва не столкнув Марью Моревну, шедшую следом.

– Воспитание городское, глаз не разувает, – пробулькала шука и скрылась под темной водой в бочке.

Марья Моревна обогнула суетливого инспектора и вошла в комнату. Там и увидела Батю, стоявшего у стола, опершись на него двумя ладонями, насупившим брови и с лицом красным, как закат перед похолоданием.

Марья Моревна много времени проводила в беседах со шукой, знала много причитаний и восклицаний для такого случая. Но едва ли использовала и половину их, споро до-

ведя Батю до лавки, уложив его и накрыв сверху тулупом – таким похолодевшим показалось ей тело Бати под льняной рубахой и таким потерянным был его взгляд. И самое непонятное было – тихий шум, как от крон деревьев в грозу, доносившийся откуда-то, вроде как из самой головы Бати.

Старичок Прохор, по обыкновению бывший тут же, все это время трясся в красном углу, сжимая в руках пульт в форме изогнутого огурца с большим количеством крупных пупырышек, они же кнопки, от новехонького телевизора.

Прибежала растрепанная Василиса, бухнулась на колени возле Бати. Хотела прижаться головой к груди, да куда ей было соперничать с новеньким тулупом модели ЛБВ. Так и осталась сидеть – руки сложив на коленках, а немигающие глаза уставив в лицо Бати, которое, впрочем, уже не было столь пунцовым, как с самого начала.

Марья Моревна захлопотала с холодными компрессами, но не забыла и доктору на аэродром позвонить.

Доктор приехал незамедлительно. Вошел скорым шагом в горницу, увидел Петьку-длинного и на ходу бросил ему:

– Неудачно вы, инспектор, машину в низине оставили. Там почва слабая. Не ровен час, погода испортится.

– Да если бы вы знали, какая это машина! – ответил Петька, оглядев всех подряд. Никто его не слушал. Никто и не наливал. Уходить было неловко, да и не своевременно.

Доктор сел на табуретку возле головы Бати, положил руку на лоб – под компресс. Прислушался.

– И что все-таки случилось? – спросил он.

Старичок Прохор подошел в доктору, вытянул руки по швам и начал докладывать. В правой руке он продолжал судорожно сжимать пульт.

Трофим Трофимыч вчера ногу подвернули, сегодня с утра в горнице сидели, в телевизор пялиться изволили. А телевизор, сами видите, новейшей модели. Вчера только привезли. Живое изображение, в смысле никакого твердого экрана. И в какой-то момент – как раз сообщение о новых молочных стандартах читали, нечистая дернула, захотели Трофим Трофимыч посмотреть, что там – сбоку от картинки. Точнее, вопрос по существу сообщения появился. Сунули голову в экран, объемный ведь, может там сбоку от диктора кто ответственный есть, кого спросить. Только ничего не получилось. Отшатнулись Трофим Трофимыч от экрана, еле до стола дошагали. И с тех пор шумит головой. И ничего не говорит.

Прохор помолчал, потом продолжил.

– И в телевизоре одна и та же картинка. А звука нет – это я выключил.

Тут Батя дернулся всем телом.

– И часто он так дергается, – спросил доктор.

– Да как я на кнопку пульта нажму, он и дергается, – ответил старичок Прохор.

– А зачем ты на кнопки жмешь?

– А может, завис он. Перегрузить надобно.

– Кто завис? – спросил доктор.

– Трофим Трофимыч! – неуверенно произнес старичок Прохор.

Василиса подняла на него заплаканное, но грозное лицо.

– Да ящик этот проклятый! Оговорился я!

– А это что за царапина? – спросил доктор, проведя пальцем по красной полосе на шее Бати.

– Здесь у него тесемка с мешочком висела. А в мешочке – чесночная долька. – пояснила Василиса.

И в ответ на поднявшиеся брови доктора пояснила:

– У нас у всех такая есть. От сглазу.

Старичок Прохор с готовностью начал расстегивать у горла рубаху, но доктор поморщился:

– Ну, эти заблуждения к делу не относятся.

Доктор встал с табуретки, подошел к окну и молча стал смотреть на ясное небо, на уходящие вдаль золотистые поля.

– Хорошо у вас тут, аэродрома не видать.

– С чердака виден, – услужливо сообщил Прохор.

Батя снова дернулся, из под тулупа свесилась до самого пола батина рука. Все с осуждением поглядели на Прохора. Он виновато втянул голову в плечи и положил пульт в карман.

– А вот и рука. Может, приложим указательный палец к приборчику, подпишемся под актиком, да я поеду, – спросил Петька-длинный, переводя взгляд с Марьи Моревны на доктора и обратно.

– Что за подпись? – спросил доктор.

– Да это у них порядочек такой, – пояснил Прохор. – Приезжают, смотрят, что-то там у себя в планшетике отмечают, потом Трофим Трофимыч пальчик прикладывают в знак согласия, и дело с концом.

– Да с чем же тут соглашаться, с молоком голубым? Глупость несусветная. – сказала Марья Моревна и вышла за дверь.

– Пойду со щукой поговорю. Что-то плещется она, зовет. Василиса подняла руку Бати, положила ее поверх дрожащего тулупа, распрямила пальцы батиной ладони.

– Боюсь, инспектор, – заговорил доктор, отвернувшись от окна, – согласие лица, находящегося в столь критическом состоянии, в дальнейшем может быть оспорено. Кто-то может еще пальчик приложить? У вас должен быть циркуляр на этот счет.

– Василиса Трофимовна может, – ответил Петька-длинный, – ей двадцать один год уже исполнилось.

– Но, – задумчиво продолжал доктор, – необходимость привлечения второго лица должна быть подтверждена. То есть, нужно удостовериться в неспособности первого совершить необходимые действия.

– Ну так, удостоверьтесь, – съязвил инспектор, все больше обижаясь, что ему не наливают из графинчика старинного голубоватого стекла, стоявшего посреди стола на серебряном подносе.

– Ну, что ж... – произнес доктор, тоже взглянув на графинчик.

Тут в горницу вошла Марья Моревна. Подошла к лавке с Батей, тяжело опустилась рядом с Василисой на колени, нагнула голову в платке и что-то зашептала на ухо Бати.

Батя как лежал, так и остался лежать. Только правая ладонь его сжалась в кулак. А в остальном все как было, так и осталось.

– Признаки жизни присутствуют, – заметил доктор, подойдя к Бате и рассматривая сжавшийся кулак величиной с маленький арбуз. – Так что, инспектор, повремените, повремените с часик. От новостей еще никто долго в обмороке не был. Это вам не сериалы.

– Да мне бы засветло выехать, в контору успеть. А то премии не видать, если отчет не привезу.

– А шум уже вроде немного не тот, что прежде, – прислушался доктор.

– Да он уже совсем не шумит, – сказала Василиса, всхлипывая, – просто без сознания лежит.

– И дергаться перестал, – добавил старичок Прохор. – Я на пульт жму, жму. А все без результата.

Вошла Марья Моревна, внесла на расписном блюде рюмки, какую-то снедь на блюдце под белой салфеткой, поставила все на стол.

– Это дождик моросить начал, он и шумит. Из-за леса тучи нагнало. А вы, гости дорогие, угощайтесь.

– Ну, часик подожду, а там поеду, – сказал Петька-длинный и потянулся к графинчику. – Только зря вы, тетка Моревна, так долго тянули. Три месяца мер не принимали. Так и придется отчитываться.

Тут над домом так грохнуло, что задребезжали стопочки на столе. И хлынул такой ливень, какого давненько не бывало.

Старичок Прохор подскочил к окну:

– Колосья-то гнет! Так гнет! До самой земли!

Батя на лавке застонал. Он по-прежнему не открывал глаз, но кровь от лица уже ушла. В сравнении с прежней пунцовостью оно теперь казалось бледным, как у покойника. Особенно в сумраке, в который погрузилась комната при грозе.

– Что без света сидите! – в комнату вошел Иван, хлопнул в ладоши.

Зажегся свет, стало веселее.

Увидев Василису на коленях возле отца, доктора, недовольного инспектора и растерянного Прохора, он оглянулся на Марию Моревну. Та пожала плечами и кивнула в сторону Бати.

– Идите, щука зовет, чуть из бадьи не выплескивается.

Марья Моревна вышла.

Иван подошел к скамье с Батей, встал позади Василисы, нахмурился.

– Плохо, – сказал Иван и повернулся к гостям.

Хоть и не сын он был Трофим Трофимычу, но что-то узна-

ваемое было в этом «плохо».

— Кстати, — спросил Иван, посветлев лицом, — чья это машина в низинке. По самые фары уже провалилась.

— Как по самые фары? Пойду, взгляну, — Петька — Длинный поднялся из-за стола, кинув голодный взгляд на хлеб, сало и на графинчик, и вышел за снова пронзительно заскрипевшую дверь.

Доктор подошел к Ивану.

— Не хочу пугать, но и обнадеживать тоже не в моих правилах. Последствия могут быть самые печальные. Там, — доктор кивнул на телевизор с замершим с открытым ртом диктором, — очень высокое напряжение.

Доктор в нескольких словах сообщил Ивану все, что произошло до его прихода. Они вдвоем подсели к столу, плеснули из графинчика.

— За здоровье!

— За здоровье!

Оба выпили и посмотрели на лавку с Батей, на неподвижную спину Василисы.

Старичок Прохор пересел со своей лавки на стул за столом, к ним поближе. Стал терпеливо ждать следующего то-ста.

Бесшумно раскрылась дверь и из темноты вошла Мария Моревна. В руках, как ребенка, несла бережно завернутую в мокрое полотенце щуку.

— Помогите, что ли! Василиса, подвинься!

Марья Моревна поднесла щуку к самому уху Бати. Щука раскрыла зубастую пасть, прошептала что-то. Потом подняла голову, обратилась к Марье Моревне.

– Ну, все, что могла, сказала. Теперича, если не встанет, точно помрет. Неси обратно!

– Ерунда все это, заговоры, волшебство из сказок, – сказал доктор, протягивая руку к графинчику.

– Ну, еще раз за здоровье!

– Ох! – раздалось в горнице и все разом повернули головы к лавке с Батей.

Батя сидел на лавке, ерошил скомканные волосы и с неудовольствием посматривал по сторонам. Василиса сидела перед ним на пятой, то есть мягкой точке, упершись руками в пол позади себя.

– Это я-то не встану? Я не поднимусь!

Батя встал, отбросил тулуп в сторону и твердо шагнул к столу. Сел на стул с высокой спинкой.

– Что я, ирод какой-то. Дочка сына носит, а я лежать-помирать! Нет уж, дождусь внука!

– Правда! Трофим Трофимыч, – так щука сказала? – Иван подпрыгнул на стуле.

– Ну, это не новость, – проговорил доктор, – я Василисе Трофимовне об этом еще две недели назад сказал.

– А ты молчала, – Иван укоризненно посмотрел на Василису.

Василиса зарделась и присела поближе к Бате.

– А что шука еще сказала? В первый раз, передала через Марью Моревну.

– Да что сказала? Лежи, сказала, пока дождь не начнется. А то от этого Петьки-длинного не откупишься. А где я молоко голубое по циркуляру возьму, не с неба же? А так он до утра проторчит, в контору опоздает. Прошлогоднее разрешение не вычеркнет. Так и будем жить. До нового циркуляра.

– А если он по сети передаст? – спросил Иван, пережевывая сало вместе с корочкой.

– Не передаст. Он сейчас планшетник в грязь уронит, заглохнет он у него.

– Телевизор, докладываю, так и не работает, «завис с концами». А диктор не дышит и не моргает, – проговорил старичок Прохор, снова тыкая во все пупырышки на пульте.

Батя посмотрел на стену:

– Тьфу, выключить его что ли из розетки?

Встал, подошел к телевизору, с полминуты смотрел в красную глотку диктора, потом хлопнул телевизор по корпусу. И второй раз – посильнее.

Что-то упало на пол. Батя нагнулся и поднял тесемку с вышитым мешочком. Понюхал мешочек и надел его на шею.

– Отдали, черти!

– Диктор икнул и исчез. Вместо него в экране затрепетали какие-то разноцветные тряпочки.

– Счастье-то какое! – воскликнула Марья Моревна, входя

в комнату. — Очнулся, родимый!

Из-за спины Марьи Моревны в дверном проеме показалась голова Петьки-длинного.

— Хлам, а не вездеход, — сообщил он. — Утоп по самые фары, и вообще ни с места. А что еще хуже, аппаратуру утопил в луже. Достал, конечно, но не работает.

— Заходи, инспектор, согрейся, — позвал его Иван.

— Да какой я сейчас инспектор — без аппаратуры, — говорил Петька-длинный. — Мне бы переодеться во что-нибудь сухое. Льет там! Похоже, надолго зарядило. Как бы не до утра.

— Василиса, дай гостю переодеться, — подтолкнул Батя дочку.

— С выздоровлением вас, Трофим Трофимыч!

Василиса встала, пошла в кладовую.

— Вы, доктор, тоже оставайтесь. На аэродроме в такую погоду скучно.

— Не то слово, — согласился доктор.

— Хорошо, — сказал Батя, оглядывая стол.

Молча пересчитал рюмки на столе, оглядел подъеденную уже и без того скромную закуску. Нахмурился.

— Плохо.

— Сейчас поправим, — сказала Марья Моревна и зычным голосом позвала: — девоньки, на кухню!

Где-то затопали подавальщицы, и Марья Моревна плавно выплыла из горницы, пообещав:

– Котлеты сегодня удались!

– Хорошо, – сказал Батя.

Пока ужинали, пока ели котлеты с гречневой кашей, потом пироги, пока спорили, можно ли приготовить белый творог из голубого молока, дождь прекратился.

По обыкновению, перед сном пошли в сад. Сидели на мокрой скамейке, считали спутники.

Молчали, только Василиса, прижавшись к Ивану, шепотом все допытывалась:

– Щука мальчика предсказала. А доктор про девочку говорил. Кому верить, не знаю. Какого цвета распашонки готовить, – ума не приложу. У доктора – диплом, а щука еще ни разу не ошибалась. Как думаешь, Вань?

Иван подумал и вздохнул:

– Давай на спутники загадаем – на чет-нечет.

– Давай, Вань. Вон и первый полетел.

ГАЛКИ

Старичок Прохор сидел на своей любимой лавке под окном и суетливо вертел в руках пульт от телевизора. Хотелось включить звук, но то ли было еще слишком рано, и все спали, то ли на всех напала сонница, и теперь до обеда все будут вялые и хмурые.

Сонница приходила в конце лета. Считалось, что приходила с вересковых пустошей, но были и сумлевающиеся, в том числе сам Прохор, который полагал, что она приходит с низовых болот, куда он по молодости хаживал охотиться на уток, и откуда всегда возвращался вроде бодрым, но сразу же валился с ног и засыпал там, куда падал. Иногда даже на половичке.

Старуха его, как всегда, качала головой, звала домовых, и они перетаскивали Прохора на кровать. Пустая бутылка при этом обязательно выкатывалась из снятого сапога, и старуха снова ворчала и шла перепрятывать ключ от дальнего амбара.

Это были сладкие воспоминания молодых лет, а теперь Прохор сидит на лавке и смотрит на противоположную стену. Как только на ней появится полоска света от заглянувшего в окно солнца, которое должно было бы уже и подняться, дверь бесшумно распахнется и в горницу вступит Марья Моревна с подносом с чашками. А следом за ней пара полных

и мягких – чтоб не били посуду – подавальщиц с пирожками, ватрушками и кофейником. Хоть и были эти подавальщицы последней модели, но воскресный сервис Моревна не доверяла никому – вещь старинной выделки, говорят, из самого Санкт-Петербурга, с императорского фарфорового завода.

– Хрен вам, а не император, – с тоски по ароматному кофе выругался старичок Прохор и еще усерднее уставился на противоположную стену.

И свершилось! Кое-что, нарушившее ожидаемый ход событий. Дверь распахнулась, появилась улыбающаяся Марья Моревна, за ней подавальщицы. Вплыл в горницу и аромат сдобы и кофе.

А полосы на стене не было! Солнце не взошло! Странно, небо было и есть чистое, ни облачка, а света нет. Прохор соскочил с лавки, положил пульт в карман и подошел к стене. Двумя руками пощупал лиственничный брус.

– Что это ты как ударенный, – спросила Марья Моревна.

Старичок Прохор, путаясь в словах, объяснил суть своего беспокойства и закончил так:

– В этом году сонница превеликую силу возымела. Даже солнце не встало. И, – Прохор прислушался, – все замерло, ни ветерка, даже птиц не слышно.

– Зато их видно! – ответила Марья Моревна, – выйди вон на веранду, все деревья облепили, галки твои проклятые.

– Почему же они мои? – обиженно произнес старичок Прохор, присаживаясь не на свою любимую лавку, а на ту,

что поближе к столу.

— Да это ты их прогнать не можешь. Каждый год выдумываешь всякие диковинные способы, в прошлом году, помнишь, крылья себе приделал, и летал на угодьями.

— Но ведь прогнал, — сказал Прохор.

— Какое там прогнал! Вернулся весь в птичьем помете, а галки снова за свое. Рубашку и штаны даже стирать не стали, зарыли на огороде. Хорошо, что все натуральное, льняное, перегниет.

— Зато какой перец там теперь — до крыши достает! — нашел оправдание Прохор.

— Ладно с перцем. Давай звук включай. Сейчас все появятся, к завтраку никто не опаздывал еще. Василиса с Иваном с утра уже в бане плещутся. Душ принимают. На кухне слышно, бесстыдников!

Марья Моревна оглядела стол, довольно улыбнулась и повернулась к подавальщицам:

— А вы, девоньки, отнесите-ка свежие полотенца в баню. Я что-то не помню, меняли с вечера, али нет.

В горницу вошел, ступая тяжело, но уверенно, Батя. Боты он снял на крыльце, но края брючин были мокрые.

— Роса сегодня обильная, день добрым будет, — сказал Батя.

— Новости включить? — спросил старичок Прохор.

— Хорошо, — ответил Батя, садясь на свой стул с высокой резной спинкой.

Прохор засуетился, выискивая в глубоком кармане пульт, достал его и наконец-то включил звук. Звук не появился. Переключил канал на новости. А там большими буквами на весь экран: «Тихое воскресенье».

– Ах вот оно что, а мы-то забыли. Воскресенье сегодня же. Второе в августе. Выборы! – воскликнула Марья Моревна.

– Плохо, – сказал Батя.

В горницу вошла Василиса, поцеловала Батю в колючую щеку. За ней вошел Иван, поклонился всем, а у Марьи Моревны подхватил из рук пустой поднос, протянул его за дверь, там его перехватили ловкие лапки подавальщицы и отправили на кухню.

Батя пододвинул к себе стакан. Кофейные чашки он игнорировал как всех маломерок.

– А солнца-то все нет, – сказал старичок Прохор, озираясь на окно.

– Какое тебе сегодня солнце, – ответил Батя. Посмотри, там, наверное, выборщики тень наводят.

Все бросились к окну, кроме Бати.

И правда. На горизонте, там, где обычно в такое хорошее утро вовсю сияло свет-солнышко, над лесом висел огромный вытянутый пузырь выборщиков – серый аэростат с красными буквами по всей длине: «Выборы! Выборы! Выборы!»

Он и загораживал всходящее солнце.

Старичок Прохор просеменил к сундуку в углу, достал из под скрипучей крышки фаянсовый лупоглаз с деревянной

ручкой, вернулся к окну.

В круглом донышке лупоглаза был виден только кусок обшивки с красным углом какой-то буквы.

– Да опусти ты пониже, бестолочь, – сказала Марья Моревна и дернула Прохора за воротник.

Старичок Прохор опустил лупоглаз пониже, и стал виден желтый ящик на серебряном тресе.

– Поднимают урну-то. Закончили у Данилы-мастера, – сказал Иван.

– Поднимают, точно. К полудню до нас доберутся, – подтвердил старичок Прохор.

– Ну и пусть добираются. Попутного им ветра, – сказала Марья Моревна. – А теперь прошу к столу, кофий, чай, еще не остыл.

– К полудню у нас будут, – повторила Василиса специально для Бати, садясь рядом с ним.

– Хорошо, – сказал Батя, – и отхлебнул из стакана в резном серебряном подстаканнике.

С полчаса пили кофе. Решили делам особенно не предаваться, готовится к выборам.

– Мне все равно кто, лишь бы не марсианин, – сказал старичок Прохор.

– Плохо, – сказал Батя. – А то и хорошо.

– Что плохо? – встрепнулся Прохор.

– Что все равно, – ответил Батя.

– А что хорошо? – спросила Василиса, подливая отцу го-

рячего кофе.

– Что не марсианин, – ответил Батя.

– А хоть и марсианин. Они красивые, – сказала Василиса.

– И головастые. У них из-за того, что сила тяжести меньше, мозг лучше работает, – поддержал Василису Иван.

– Вот у них, кто силы тяжести-то нашей – настоящей, не знает, фантазии, сумасбродства всякие и начинаются, – вступился за своих старичок Прохор.

Марья Моревна сама в спор не вмешивалась, зорко следила, не закончились ли ватрушки и пироги на столе.

В прихожей затопали, загремели крышкой бадьи с живой водой. Дверь раскрылась и в горницу вошел Джон, поздоровался со всеми.

– Я щуке карасика бросил. Ест она карасиков?

– Да ты что, сосед! У нее и зубов не осталось. Рыбные котлеты готовлю, и на пару бывает. А ты карасика! – засуетилась Марья Моревна.

– Да ладно, пусть при старухе поживет, может, ума наберется.

– Наберется, обязательно наберется, – сказал Иван. – А как вырастет, мы его отсадим. И будет у нас в хозяйстве два советчика – один для тех, кто постарше, а второй для нас с Василисой.

– А может, она зевнет, и его случайно проглотит. Карасик совсем маленький, – сказал Джон.

– Ну, тогда и спору конец, – порешила Марья Моревна.

Джон сел к столу, налил себе кофе, потянулся за ватрушкой.

– Я к вам что, собственно пришел? Видели, сколько галок на ветках. А еще скворцы, да всякая прочая летающая живность. Беда будет с урожаем. Посоветоваться пришел.

– Да и мы с утра вспоминали об этом, – сказала Марья Моревна, – как Прохор в прошлом году с ними наперегонки летал.

– А перец-то какой, перец-то! – попробовал оправдаться старичок Прохор.

– Нет, так их не отвадишь, – сказал Иван. – Я вот читал в книжке, что у нас в сундуке на дне лежит, что надо десяток птиц пристрелить, да на шестах по полям поразвесить. Этого они боятся и улетают.

– Кому ж такая судьба завидной покажется. Конечно, улетят, – поддакнула Василиса.

– Плохо, – сказал Батя, надкусывая кусок пирога.

– Что плохо? Пирог не удался? – испугалась Марья Моревна.

– Десяток – мало, – Батя откусил снова.

– Ну, вроде, ест, – успокоилась Марья Моревна, – не оплошала, значит, с пирогами.

– Правильно, Трофим Трофимыч, уж если стрелять, так чтоб на всех соседей хватило. У каждого, у кого садик, у кого огородик есть. Хоть и при аэродроме живем, на всем готовом, а скучно иногда бывает, к природе руки тянутся, погла-

дить ее, в земельке покопаться, – Джон заметил, что в чашке закончилось кофе, и прервался, чтобы налить вторую.

– Хорошо, – сказал Батя.

– А ружья-то – только у вас подходящие, Трофим Трофимыч.

– Правильно, – ответил Батя, – только у меня.

Иван встал, потянулся, похрустел косточками. Василиса нежно посмотрела на него, одернула сбившуюся на пояснице рубаху.

– А что, – сказал Иван, может, сейчас и пойдем? Пальнем пару раз. Как раз до выборщиков успеем.

– Хорошо, – сказал Батя, достал из штанов связку ключей, протянул старичку Прохору.

– С ними ступай, Прохор, арсенал отопрешь. Возьмите те, что в дальнем углу стоят, дедовские. Они номер лицензии не спрашивают. Некогда нам лицензию выправлять.

Иван и Джон вышли в почтительно распахнувшуюся перед ними и даже как бы попытавшуюся присесть, дверь. За ними похромал старичок Прохор, пряча в карман надкусанную ватрушку. Рукой с ключами от арсенала он вытирал рот.

– Авось, в этот раз лучше выйдет, – сказала Марья Моревна.

Под полом звякнули железные ворота, затем раздались веселые голоса во дворе. Василиса подошла к окну:

– Выборщики еще над лесом. А парни к старым ветлам

на краю поля пошли.

– Время есть, успеют, – ответила Марья Моревна, подливая Бате в стакан, а себе в чашку.

Василиса села на лавку у окна, оперлась на подоконник, положила щеку на ладонь, стала наблюдать:

– Ваня первым стрелять наладился.

Бах! – донеслось через приоткрытую форточку.

– Вот так стоя поднялась! Как туча! – воскликнула Василиса.

Бах! Бах!

– Галки как горох посыпались!

Бах! Бах!

Теперь к дубам пошли.

Бах! Бах!

– Ух, и там тоже – туча тучная!

Бах! Бах!

– Все, патроны закончились. Обратно идут, – сказала Василиса и вернулась от окна за стол.

В прихожей затопали, дверь с победным звоном распахнулась, вошли все трое, но старичок Прохор на этот раз первый.

– Тьму настреляли! – радостно сказал он, забираясь на свой стул.

Марья Моревна тут же налила ему в чашку кофе и подвинула поближе блюдо с ватрушками.

Иван с Джоном поставили ружья в угол, тоже сели.

– Огородников послали птицу собирать, – сказал Иван. Вечером шестов в сарае возьмем, по полям натыкаем. Главное, чтобы вниз головами, чтобы крылья расправились.

– Не застынут до вечера? – спросил Батя.

– Не успеют, – ответил Джон. – Да и все равно времени не будет. Выборщики скоро уж появятся.

Старичок Прохор вдруг повернулся к стене и поднял брови. Стена была вся залита ярким светом, лившимся из окна. Ничто его не загораживало.

– Так они уже здесь, наверное! – воскликнул старичок Прохор.

Он привычно положил надкусанную ватрушку в карман, и в меру сил быстро доковылял до окна.

– Вот-те и выборщики, – протяжно и удивленно сказал он. – Сядятся. Прямо на лес сядятся.

Старичок Прохор взял с лавки лупоглаз, протер доньшко рукавом, нацелился на дальний лес:

– Авария у них.

– Не может быть! – все, кроме Бати, сгрудились у окна.

Серый аэростат выборщиков, потерявший вдруг упругость, как-то весь сморщился и уже почти висел на вершинах столетних мачтовых сосен. Солнца, понятно, в таком состоянии он загораживать не мог.

– Поехать что ли, узнать, что случилось? – проговорил Джон.

– А галок развешивать – забыл? – толкнул его Иван.

– Галки, оно нужнее, – согласился Джон, – с аэродрома механиков отправлю, пойду позвоню.

– Что случилось? Что случилось? – пробурчал Батя. – Понятно, что случилось. Не первый раз под горячую руку.

Потом хлебнул из стакана, посмотрел в угол на ружья.

– Иван!

– Что, Трофим Трофимыч?

– Ружьишки-то в арсенал спусти, да почисти. Ключи вон – у Прохора возьми.

– Само собой, – ответил Иван, достал ключи из кармана старичка Прохора и унес ружья.

Снова звякнули железные ворота под полом.

– Ну, пока Джон распоряжается, Иван тоже пристроен, я насчет обеда распоряджусь! – сказала Марья Моревна и удалилась на кухню.

Василиса взялась ей помогать, а старичок Прохор так и застыл возле окна с лупоглазом перед прищуренным глазом.

– Нет, сегодня не долетят. Не починятся, – подвел он окончательный итог, снова сел за стол и потянулся за новой ватрушкой.

После обеда развешивали галок на шестах. А вечером, как обычно, сидели в саду и смотрели на звезды. Старичок Прохор дежурил у телевизора, а после полуночи тоже дохромал до скамейки.

– Ну, какие новости? – спросил его Иван.

Все благодушно посмотрели на Прохора.

Старичок Прохор отдышался и сообщил:

– Никто не победил. Будет второй тур. Только ваш этот – марсианин – свое отыграл. Не прошел во второй тур. Двух голосов аккурат не хватило.

– Бывает, – философски заметил Джон.

– Ну и пусть, – шепнула Василиса, прижимаясь к Ивану.

– Хорошо, – сказал Батя.

Старичок Прохор переместился поближе к Марье Моревне и стал что-то шепотом горячо просить ее.

– Да ты ополоумел, старый, такими пустяками шуку беспокоить! Не пойду спрашивать, и не думай. Подождешь до второго тура, не рассыплешься. Я лучше вон утром карасика выловлю и в реку отправлю на вечную жизнь. Чтоб соблазна не устраивал.

– Каково ему там будет, он, наверное, живой водой уже весь пропитался, – задумчиво произнесла Василиса.

– А тяжело поначалу будет. Сожрать его никто не сожрет, а шарахаться от каждой тени будет. Молодой еще, пока подрастет, – ответила Марья Моревна.

А галок, как стало видно утром, действительно поубавилось. Не подвели дедовские ни книжки, ни ружьишки.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Василиса сидела на скамейке под яблоней и смотрела на котел перед собой. Котел стоял на трех камнях и трава под ним пожухла. Трава пожухла оттого, что котел был горячий.

Котел был горячим, и в нем кипело. Розовая пенка стояла над котлом рыхлой шапкой, и ее куски иногда отваливались, как от айсберга, и падали на траву. А также на плоскую спинку, как у краба, ВУмника. ВУмник поднимал над собой деревянную ложку и скидывал пенку с себя куда попало.

Попало на подол Василисе.

– Тоже мне, мешальщик нашелся! Мешаешься только! – воскликнула Василиса и отняла ложку у ВУмника.:

– Дай сюда!

Горячий яблочный дух растекался по саду.

Яблоко было и в руке Василисы. Наведя порядок в отношениях с прислугой, она поудобнее уселась на скамейке и надкусила яблоко.

– Хрум!

– Хрум! Хрум!

– Дзинь, – звякнул колокольчик у калитки.

– Хрум!

– Дзинь, – снова звякнул колокольчик, и за рослыми кустами смородины показались черные плечи, через одно из которых была перекинута скатанная рубашка, и улыбаю-

щаяся черная голова.

Джон вышел из-за последнего куста и церемонно поклонился:

– Здравствуйте, хозяйка!

– Что это ты голый по гостям расхаживаешь? – спросила Василиса, пододвигаясь на скамейке.

– Купаться ходил. А полотенце забыл. Пока шел, сох. Теперь уже можно и надеть.

– То-то я вижу, у тебя штаны мокрые.

– Штаны пришлось надеть. Там по дорожке у старой мельницы крапива совсем сбесилась – так и норовит стегануть. Дорожка узкая, не уберечься.

– Так ты на озеро ходил, к русалкам?

– К русалкам, – вздохнув, признался Джон.

– Не боятся они тебя, такого черного?

– Да нет, я уже не первый раз.

– А крапива, значит, не пускает?

– Не пускает, у нее инструкция – не пускать.

– А отворотный камень как же? Мимо него никто не может пройти.

– Я могу, – Джон наклонился к уху Василисы и что-то прошептал ей.

– Хитрый ты! Сразу видно, что дикарь, – сказала Василиса, – да уж ладно, никому не скажу. Ваньке разве только. С какого края ты его перепрыгиваешь.

– Женатым да замужним там нельзя купаться, – с убежде-

нием сказал Джон. — Там не только камень, и вода отворотная.

Василиса задумалась и перестала жевать яблоко.

— А что это у тебя пенка розовая? — спросил Джон, забирая из руки Василисы ложку и пробуя варево.

— Бруснику добавила, — ответила Василиса, продолжая о чем-то думать.

Потом потрянула головой:

— Перестань по котлам лазить! И что это ты в гости с пустыми руками пришел!

— Да нет, не с пустыми, — Джон полез в карман, — смотри, какой гребешок, — русалки подарили. В старину царевна утонула, от нее остался.

— Тоже, наверное, отворотный? — усмехнулась Василиса.

— Точно, русалки так и сказали. Заболит что-нибудь, или горькие мысли найдут, поскоблишь больное место, или причешешься, все и пройдет. Только злоупотреблять нельзя. Особенно с расчесыванием.

— Так уж и быть, заслужил. Снимай пробу! — сказала Василиса, пряча гребешок в карман.

Джон полез ложкой в котел и на минуту пропал в облаке душистого пара.

— Василиса снова задумалась, потом оглянулась на дом. Дернула Джона за штаны.

Джон плюхнулся обратно на скамейку.

— Ух. Объеденье!

– Если еще хочешь, то... – Василиса нагнула его голову и в свою очередь что-то зашептала в черное ухо.

– Три литра, – сказал Джон, освобождаясь от цепкой руки Василисы.

– Литра хватит!

– Два литра варенья и яблоко! – Джон сорвал с ветки над Василисой яблоко и вскочил:

– Я мигом!

– Рубашку-то оставь, – сказала Василиса, – что туда-сюда таскать?

– Верно, – Джон положил рубашку на скамью и быстрым шагом скрылся за кустами смородины.

– Дзинь, – звякнул колокольчик у калитки.

На крыльцо вышел Иван. Василиса оглянулась на него и переложила рубашку Джона на другой конец скамейки.

Иван подошел, сел рядом.

– Раскраснелся-то как, – сказала Василиса, доставая расшитый платок и вытирая лицо Ивана.

– И глаза-то совсем осоловелые. Тяжко?

– Тяжко, – вздохнул Иван, – осоловеешь тут. На Бате лица нет. Даже Прохор молчит. А Марья Моревна ничего, держится.

– Мы, бабы, такие – стойкие, – сказала Василиса, – хочешь попробовать?

Иван с минуту молчал, потом встал:

– После попробую. Пойду, разомнусь.

Иван пошевелил плечами и ушел в сторону сарая.

Василиса сунула ложку в котел, попробовала варенье, и пару раз стукнула ложкой по краю, убавляя температуру. На каждый удар котел отвечал: «Понял, не дурак».

Со стороны сарая раздались удары и треск раскальваемых поленьев. Оттуда, как большие мыши, прыснули по дорожкам огородники и ВУмники. Один из них бежал вприпрыжку, почесывая на ходу то место корпуса, которое было обращено в этот момент назад.

Василиса вздохнула и с тоской в серых глазах снова оглянулась на окна дома.

Так прошел час.

Но когда от сарая перестал доноситься треск, и вместо него размеренные «вжик», «вжик» дали понять, что Иван обретает постепенно душевное равновесие, колокольчик у калитки снова звонко сообщил о том, что миг, про который сказал Джон, уходя, наконец-то закончился.

В этот раз в курчавых волосах Джона застряли куски водорослей, а с уха свисала желтая кубышка.

Джон запыхался. К тому же на его локте красовалась свежая ссадина.

– Где ободрался-то? – спросила Василиса.

– По дороге на дуб лазил, котенка снимал. Забрался, глупый, от собак, а слезть боится. А тут цепь еще без присмотра – качается, вызванивает, то ли «Свадебный марш», то ли «Марсельезу». Он сидит, мяучит, совсем разжалобил.

– Про цепь надо в ПрофСказ сообщить. Недогляд у них. Что за «Марсельеза»! Где это видано, чтобы русские цепи на иностранный манер звенели? Недогляд! – сказала Василиса.

– Сообщи, сообщи, только давай сначала уговор исполни. Только у меня банок нет, на твои рассчитываю.

– С холостой жизнью пора заканчивать, – ответила Василиса, – банок у него нет. Известное дело, откуда у русалок банки. Цветочки все, забавы.

– Да ладно, уж. Марья Моревна прохода не дает, так и ты еще туда же!

– Ну, ладно, так ладно. Принес?

– Принес, – ответил Джон и вытащил из кармана небольшой плоский пузырек.

Василиса вытащила пробку, понюхала:

– Тиной воняет!

– А как же, с самой глубины взяли. Там, где царевна утопшая.

– Не пугай, – ответила Василиса, – и без того тошно.

Она спрятала пузырек в карман, где уже лежал гребень, и участливо посмотрела на локоть Джона.

– Сходи к щуке, омой из бадьи живой водицей.

– Сейчас схожу. Спасибо. А Иван где? Хочу его на рыбалку позвать. Сомы русалкам житья не дают. И водяного задирают.

– С ума сошел! И не вздумай Ивана на отворотное озе-

ро водить! Попробуй только заикнуться, узнаешь у меня, что такое гость незванный! – Василиса замахнулась на Джона ложкой.

– Не буду, не буду, – успокоил ее Джон, потом добавил, прислушиваясь, – вроде как Иван косу правит? Что это он, сам взялся? ВУмники испортились?

– Отдыхает он, умаялся.

– Чем умаялся-то? У него же выходной сегодня.

– Гости у нас, – грустно произнесла Василиса, и снова со вздохом посмотрела на дом.

– Тогда потом к нему зайду. Сначала локоть залечу. Щуку не побеспокою, не рассердится она?

– Ей не до тебя. Иди, только на пол не плещи.

Джон поднялся и направился к крыльцу. На полдороге обернулся:

– А ты не знаешь, почему цепь на дубе без присмотра? Куда кот подевался?

– Да там он сидит, – Василиса кивнула на окна горницы, – в гости к щуке пришел – с другом, с утра сказки рассказывает. И ни одной новой!

– Джон почесал затылок:

– Ладно, я тихонько проскочу. И сразу назад.

– Никаких назад, – прикрикнула Василиса. – Спроси у него, не хочет ли свежего молочка? И мне блюдце принеси. Я ему налью парного.

При этих словах Василиса бережно погладила карман.

Джон покивал, мол, понял и принял к исполнению, и продолжил путь к крыльцу. Но на крыльце он столкнулся с Марьей Моревной.

– Милости просим, милости просим, – заулыбалась она Джону, отходя к перилам, чтобы тому было проще войти.

А потом вонзила руки в бока и закричала Василисе:

– Хватит на дворе прохлаждаться! Иди к гостям! Негоже одних родителей оставлять. Отец еле отдувается.

Василиса скорчила губки жалостливо, еще пару раз стукнула по котлу, отдала ложку ВУмнику и нога за ногу поплелась в дом. Марья Моревна строго смотрела на дочь, но с каждым шагом Василисы взгляд ее все смягчался и смягчался:

– Выручай, доченька, мы языкам не обучены.

Когда Марья Моревна сказала про Батю, что он один отдувается, она нисколько не покривила душой. Батя сидел в горнице, как обычно на своем стуле с высокой резной спинкой, и, отдуваясь, пил чай из стакана в резном серебряном подстаканнике.

Рядом с ним только что присел Джон с мокрым локтем, но уже без ссадины. Джон с любопытством оглядывал общество, про которое древние писатели сказали бы, что оно было разношерстным.

Древние писатели даже представить себе не могли, насколько точен был их язык. И насколько разношерстным может быть общество.

Итак, Джон, покачивая головой, узрел следующее:

Посередине горницы на табурете стояла большая стеклянная гусятница, в которой неторопливо пошевеливала плавниками, щука. На лавке на подушке лежал черный с рыжими пятнами кот с золотой цепочкой на шее. Кот жмурился, иногда открывал пасть, но звука при этом никакого не издавал. Под лавкой сидел другой кот – серый в темную полоску. Этот был в одном сапоге. Второй сапог он тряс перед собой и время от времени из сапога выпадали монетки и старинные ассигнации. Серый кот иногда отрывался от своего дела и вопросительно поглядывал то на щуку, то на черного кота. Перед каждым котом стояли плошки с молоком и сметаной.

Старичок Прохор сидел на пуфике возле гусятницы со щукой. Он что-то напряженно высматривал в воде, шевелил губами и загибал пальцы.

Вошла Марья Моревна и налила Джону чаю. Джон взял большую баранку с блюда и, спрятав лицо за баранкой, наклонился к Бате:

– Трофим Трофимыч, давно сидят?

Батя промолчал и только прикрыл веками глаза. Зато Марья Моревна горестно воздела очи к потолку.

– Антологию пересказал? – шепотом спросил Джон.

Батя, как сидел с закрытыми глазами, так и остался сидеть, только кивнул.

– А мифы Древней Греции?

Батя кивнул.

– И «Записки Иона Тихого»?

Батя и тут кивнул

– А «Понедельник начинается в субботу»?

Батя кивнул дважды.

– Себя-то он любит, – вполголоса проговорила Марья Моревна, – свои подвиги в литературе по два раза рассказывает.

Джон откусил от баранки и хлебнул чая. На его лице явно было написано слово, которое он из вежливости оставил при себе.

– Бедолаги, – хотел сказать Джон, но удержался.

Дверь раскрылась и в горницу вошла улыбающаяся Василиса с кувшином, прикрытым белым полотенцем, в руках.

– Парного принесла! Только что ж вы, гости дорогие, все молчите.

– Они уже час как молчат, – сообщил старичок Прохор, и продолжил:

– Они телепатически между собой общаются, неизведанными возможностями разума пользуются. Я вот пузыри считаю. Думаю, что с азбукой Морзе что-то общее есть.

– Есть такая азбука? – спросил Джон.

– Древняя! – ответил старичок Прохор, – тебе не обязательно знать.

Василиса проплыла к гостям и в каждое блюдо добавила свежего молока. По пути она каждого ласково пригласила подаренным Джоном гребнем.

Кот с цепью на шее ничего не сказал, только высокомерно

глянул со своей подушки на Василису, а Кот в одном сапоге поклонился и с акцентом произнес:

– Премного благодарю!

Потом он сгреб монетки и ассигнации в кучу и обратился к Марье Моревне:

– Мадам, позвольте оставить у вас на сохранение. Русский сундук – надежнее швейцарских банков, как начали говорить у нас во Франции после 18 июля.

– Оставляй, чего там, не впервой, – ответила Марья Моревна.

– Премного благодарю, – ответил кот и поднял двумя лапами блюдце с молоком, – за ваше почтенное семейство!

Кот с цепью тоже сунул нос к блюдцу, поморщился, но отпил добрую половину. Облизнулся, икнул, и недовольно посмотрел на полосатого.

Тот виновато поднял лапки, мол, молчу, молчу.

– Матушка, а для кого же ты звала по иностранному говорить, – спросила Василиса Марью Моревну.

– А на окошко взгляни, – ответила Марья Моревна.

Василиса взглянула на окно, на румяных щечках появились ямочки. Она поставили кувшин на стол, вытерла руки о подол и ласково произнесла:

– Welcome! Welcome!

На окне, на открытой форточке сидел громадный черный ворон. Он наклонил голову в бок и посмотрел сверкающим мрачным глазом на Василису.

– Would You like a few milk? – продолжила проявлять гостеприимство Василиса.

Ворон наклонил голову в другую сторону, и вдруг гаркнул, раскрыв розовый клюв:

– Nevermore!

Василиса растеряннo оглянулась на Марию Моревну, прошептала:

– Что ему предложить?

– Сахарку, сахарку подай, – сказал старичок Прохор, не отрываясь от наблюдения за пузырями. – У Данилы Мастера попугай живет, только сахарком и балуется.

Василиса с помощью Марьи Моревны быстро-быстро – только голые локти мелькали над столом, собрала на отдельную тарелочку кусочки сахара и еще прихватила с блюда баранку. Подошла к форточке и протянула ворону в одной руке блюдце с сахаром, а в другой баранку.

Ворон поморгал на баранку, снова открыл клюв:

– Nevermore!

А сахарок схватил клювом и проглотил. Потом схватил второй.

Василиса, поминутно оглядываясь на ворона, вернулась к столу и села рядом с Батей. Заговорщицки улыбнулась Джону и вполголоса спросила:

– Как думаешь, когда подействует?

Джон пожал плечами.

Василиса посмотрела на форточку, на которой ворон

грыз, придерживая лапой, сахар.

– Может, ему сахарок в молоке намочить?

– Nevermore! – каркнул ворон, замотав головой из стороны в сторону

– Nevermore!

– Понимает! – потрясенно произнесла Василиса.

– Полиглот, – сказал старичок Прохор.

– Мудреная птица, – сказала Марья Моревна, и добавила.

– Ты лучше отцу молока в чай добавь.

– Хорошо, – сказал Батя, приоткрыл правый глаз, оглядел общество и снова закрыл.

– Я другого принесу, – сказала Василиса, забрала кувшин и ушла с ним на кухню.

Кот с цепью снова поморщился, но допил из своего блюда. Зевнул и поднялся, выгнув спину.

– Ну, и нам пора, – сказал он, – да и молоко у вас, не обессудьте, тиной пахнет.

Полосатый натянул второй сапог и обутыми лапами сгреб богатство поближе к сундуку.

– Иду, иду, – и поспешил за черно-рыжим.

Коты степенно, задрав хвосты прошли к окошку, остановившись на секунду у гусятницы, кивнули щуке и, мягко прыгнув, исчезли в форточке, потеснив недовольного ворона.

– Доброго пути, заходите, когда сможете, – пробурчал Джон, продолжая жевать. Марья Моревна сердито взглянула

на него.

– Так всегда говорят, – виновато произнес Джон:

– В Африке! – резко ответила Марья Моревна, и хлопнула в ладоши

Появились подавальщицы, взялись за гусятницу и понесли шуку обратно в бадью.

Батя открыл глаза. Увидел, что в горнице никого не осталось, встал, потянулся с хрустом крупным телом. Вышел из-за стола, подошел к ворону, протянул ему на толстом пальце кусочек сахара:

– Ну, птица-говорун, сядешь к столу?

Ворон схватил сахар и, шумно взмахнув крыльями, перелетел за стол, сел на высокую спинку батиного стула.

Старичок Прохор кряхтя подошел к окошку, закрыл форточку:

– Вечереет. Холодком потянуло.

Марья Моревна всплеснула руками:

– А ведь и ужинать пора, – она хлопнула в ладоши, пошла распоряжаться.

– А после – чай с новым вареньем, – сказала Василиса и последовала за Марьей Моревной.

Старичок Прохор подсел к столу, пододвинул к себе блюдо с баранками:

– Совсем мозги наперекосячились с телепатией ихней. Сиди тут, как цапля, пузыри считай! Проголодался, живот сводит.

– Плохо, – сказал Батя.

– А ты на баранки налегай, – посоветовал Джон.

Старичок Прохор деловито посмотрел на Джона с Батей, кивнул в сторону буфета.

– Перед ужином не вредно бы. За гостей.

Батя открыл было рот, но не успел ничего сказать.

– Nevermore! – каркнул ворон, – nevermore!

Все замолчали, и было слышно, как на кухне Марья Моревна шумит тарелками.

После ужина, как обычно, сидели на скамейке в саду, считали спутники.

Джон вертел в руках увядшую кувшинку, вполголоса расспрашивал Марию Моревну, какие есть заклинания, чтобы русалку превратить обратно в девушку.

– Не ты первый интересуешься, – отвечала Мария Моревна, – ну да уж ладно, за подвиги твои сегодняшние так уж и быть, побеспокою завтра щуку.

Василиса прижималась к Ивану и время от времени подбрасывала на дорожку кусочки сахара.

По дорожке скакал черный ворон, поглядывал на нее лукавым маслянистым глазом и приговаривал:

– More! More!

Заветный пузырек и гребень Василиса отдала Марье Моревне, а та положила их в холщовый мешочек и убрала на дальнюю полку – за жгучий перец и ядрёный хрен со своего огорода.

БУНТ МАШИН

или

ТОЛЕРАНТНОСТЬ

– Однако, как тяжело без прессы, – пробормотал старичок Прохор, поднимая глаза от вчерашней газеты, кроссворд в которой был уже разгадан и перечеркнут карандашом.

– Хорошо, – сказал Батя, не отводя пристального взгляда, направленного поверх стакана с кофе на согнутую спину Ивана.

Сам Иван в это время сидел на стуле перед телевизором, повернутым к нему задней стенкой. Два ВУМника держали телевизор снизу на пяти лапках. Тремя другими они подавали Ивану инструменты, а на остальных стояли, переминаясь.

– Что хорошо? – спросила Марья Моревна, сидящая рядом с Батей.

– А то хорошо, что почтальона сегодня нет. Калитку никто не ломает.

– Давняя история, а конца не видно, – сказал Иван. – Мы им пишем, чтобы дополнительно запрограммировали почтальона на открывание калитки внутрь, а они нам отвечают, что бы мы сами свою калитку перевесили. Волокитчики. Не хотят систему координат у почтальонов модернизировать.

– Калитку перевешивать не будем, – веско сказал Батя, – как деды повесили, так пусть и висит.

Иван вытянул из внутренностей телевизора три разноцветных проводка и в задумчивости стал их рассматривать.

– Контакт оборвался, – сказал он.

– Плохо, – сказал Батя.

– Что плохо? – спросила Марья Моревна.

– Прогноз погоды на месяц не узнаем, – ответил Батя.

– А вот если бы почтальон пришел, в газете бы прочитали, – сказал старичок Прохор.

Дверь в горницу медленно раскрылась. В темном проеме, освещенном только сиреневым сиянием из кадки с живой водой, показалась согнутая фигура. Фигура пятилась задом, а руками тащила кого-то явно упирающегося.

Василиса, которая спускалась в эту минуту по лестнице и увидела под вздернутой рубашкой черную кожу вошедшего, и, может быть, даже и курчавую голову, скрытую пока от всех в горнице зелеными штанами, воскликнула:

– Джон! Кого притащил?

– Что, и вправду Джон? Что это ты в такой неудобной позе? – спросила Марья Моревна.

Джон продолжал пятиться к центру, не отпуская кого-то из рук, пыхтя и отдуваясь.

Старичок Прохор поднялся с лавки и проковылял к Джону, посмотрел через его широкую спину в прихожую.

– Он за порог цепляется, тут пнуть его надо. Только я

не смогу по причине колена, – сказал он и вернулся к лавке, вертя головой за черным пятнышком в воздухе.

– Ах ты, здоровая какая! – воскликнул Прохор, едва усевшись и хлопнув свернутой в трубку газетой по лавке.

Большая черная муха резво отскочила в сторону и с гулом взвилась под потолок.

Иван отпустил три разноцветных проводка, встал и обошел Джона со стороны головы.

– Пнуть, говоришь, хорошенько? – спросил он.

– Именно пнуть, – подтвердил старичок Прохор, не отрываясь от наблюдений за мухой.

Иван пнул, что-то щелкнуло, и Джон с размаху приземлился на пятую точку аккуратно посредине горницы. На живот ему упал попискивающий подметальщик.

Джон собрал лапки подметальщика в подобие букета, потом ловко перевернул его брюшком вверх и обратился к Ивану:

– Вань, дай отвертку.

– А тебе зачем? – спросил Иван, протягивая руку за спину в сторону ВУмника, чтобы передать отвертку Джону.

– Да надо немного в мозгах у этого подметальщика поковыряться. Не слушается.

Иван так и застыл с протянутой назад рукой. И все тоже подались к Джону и захлопали глазами. Даже Батя, пошевелил головой, услышав такую новость, что подметальщик да вдруг не слушается человека. Батя даже набрал воздуха, что-

бы что-то сказать веское, но промолчал и только еще раз покачал головой.

– Да как же это так! – воскликнула Марья Моревна.

– Да вот так, – ответил Джон. – Мух что-то в дом поналетело. Я ему, – Джон потряс подметальщиком, – говорю, мол, прыгай и бей их. А он только глазками таращится и лапки под брюхо прячет.

– А раньше бил? – спросил Иван.

– А то как же! Прыгал до потолка и одновременно до трех сбивал. Я, правда, на окно сетку поставил. Мух не стало. Так он потом у меня на осах практиковался. Целое гнездо извел. А однажды и до воробья добрался, но тут силенок не хватило. Из воробья, конечно, пух-перья полетели, но воробей жив остался.

– А как же теперь, откуда мухи, если сетка на окнах? – поинтересовался старичок Прохор.

– Да кто их знает? – пожал плечами Джон. – Может, через дверь. А то я еще видел, что они – мухи некоторые – сетку прогрызают. Какая-то новая популяция, здоровые такие, черные.

Джон передохнул:

– Так дашь отвертку?

Иван повернулся к ВУмнику, у которого в лапке была отвертка.

Но ВУмник и не думал вкладывать инструмент в протянутую руку Ивана. Он мелко дрожал, а лапку с отверткой

прятал за спинку.

– Ты что же это? – удивился Иван и потянулся к ВУмнику.

Но тот вдруг перестал держать телевизор и бросился от Ивана под дальнюю лавку.

– Ах, ты! – воскликнул Иван, едва успев подхватить падающий телевизор.

– И с вашими тоже что-то не в порядке, – сказал Джон, поднимаясь и пересаживаясь на стул.

Своего подметальщика он по-прежнему держал за все лапки.

– Ш-ш-ш, – прошептал старичок Прохор, – поднося палец к губам. – Сейчас проведем эксперимент.

Сморщенным пальчиком он указал на полку с чайным сервизом, украшенным рисунком цветастых бабочек. Под полкой сидела большая черная муха.

– Поняла, – заворожено произнесла Василиса, – научный эксперимент.

Она сложила ладони лодочкой возле алых губок и шепотом позвала:

– Пушистик!

Из дальнего угла, от сундука Марьи Моревны раздался топоток, и в горнице показался Василисин персональный подметальщик с серебряной длинной шерсткой до самого пола, подаренный ей на свадьбу как раз Джоном. По пути он деловито собирал невидимые обычным глазом крошки и даже хотел прибрать в свой мусороприемник горстку гаечек возле

стула Ивана.

– Но-но! – грозно сказал Иван, прикрывая гаечки ногой.

Серебристый подметальщик, он же «пушистик» подбежал к туфелькам Василисы и поднял на нее свои четыре глаза.

– Убей муху, – негромко скомандовала Василиса, движением головы указывая на стену с полкой.

Подметальщик повернул глаза, потом поджал под себя лапки и не тронулся с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.